

Неписанные **ЗАКОНЫ**

Марк Дингеманзе и Ник Энфилд

Лингвисты путешествовали по всему миру, чтобы проанализировать 31 язык, и сделали потрясающее открытие: повсюду собеседники соблюдают одни и те же правила коммуникации

МАТЕРИАЛ ПРЕДОСТАВЛЕН
НАШИМИ КОЛЛЕГАМИ ИЗ ЖУРНАЛА

GEHIRN UND GEIST

(ГЕРМАНИЯ)

Вопрос, как звери общаются друг с другом, имеет длинную и красочную историю. В 1950-е гг. Николас Тинберген (1907–1988) начал наблюдение за колюшками в брачный период. Именно тогда нидерландский биолог обратил внимание на то, что животы самцов светятся ярким красным цветом, когда они обозначают свои владения и строят гнезда. Цвет сдерживает потенциальных соперников. В брачный сезон колюшки оказываются чрезвычайно агрессивными и атакуют все красное, что оказывается рядом с их территорией, — будь то кубики, которые Тинберген держал перед аквариумом, или красные машины, которые проезжают мимо окон лаборатории.

Тинберген был первым, кто совместил наблюдение за естественным поведением с систематическими экспериментами и основал тем самым сравнительную этологию. Это принесло ему Нобелевскую премию 1973 г. в области физиологии и медицины и переросло в классическую методику изучения общения животных. Очевидно, что подход, который показал себя настолько успешным в исследовании животных, не могли не попытаться применить к людям. Что могут рассказать наши повседневные беседы о структуре языка?

Мы думаем, что массу всего интересного. С 2005 г. наша команда, состоящая из лингвистов из разных стран, регистрировала обычные разговоры людей, а затем анализировала их в нашей лаборатории в Институте психолингвистики Общества Макса Планка в Неймегене (Нидерланды). В результате выяснилось, что язык обладает некоей структурой, превосходящей грамматику и действующей более непосредственно, чем сами слова, которые мы используем. Как представляется, эта «инфраструктура» языков весьма сходна в самых различных культурах — неважно, находимся ли мы на рисовых полях Лаоса или во фьордах Исландии.

Больше чем половину нашего бодрствования мы проводим с другими людьми. Конечно, в это время мы перебрасываемся словами друг с другом. Таким образом мы укрепляем отношения, обмениваемся информацией и выстраиваем социальные взаимодействия.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

- 1 Изучение повседневных разговоров раскрывает четкие связи стандартов коммуникации, которые выходят за культурные и языковые рамки.
- 2 В разговорах мы избегаем пауз и стараемся не перебивать собеседника. Молчание, длящееся всего лишь менее чем полсекунды, уже заставляет нас насторожиться.
- 3 В разговорах мы интуитивно заботимся о том, чтобы правильно понять друг друга, часто прибегая для этого к коротким вопросам, простейший из которых — «А?».

ОБ АВТОРАХ

Марк Дингеманзе (Mark Dingemanse) — лингвист, ведет исследования в Институте психолингвистики Общества Макса Планка в Неймегене (Нидерланды).

Ник Энфилд (Nick Enfield) — профессор лингвистики в Сиднейском университете (Австралия).

Несомненно, мы были не первыми, кто рассмотрел язык повседневности «под лупой». Направление исследований анализа коммуникаций было задано еще в 1970-е гг. Важную роль в этом сыграл социолог Харви Сакс (Harvey Sacks) из Калифорнийского университета в Ирвайне. Он анализировал звонки, поступающие по горячей линии в центр по профилактике самоубийств в Лос-Анджелесе, и его восхитило, как упорядоченно проходят эти переговоры. Речь обоих собеседников была предельно ясной, и чаще всего говорил лишь один из них.

Как самому преуспеть в подобных исключительных обстоятельствах? Совместо с Эмануэлем Шеглоффом (Emanuel Schegloff) и Гейлом Джефферсоном (Gail Jefferson) Сакс продемонстрировал, как мы, вступив в коммуникацию, придерживаемся ряда простых негласных правил, которые определяют очередность вступления собеседников в разговор. Как полагают исследователи, сама грамматика помогает в этом. Например, слова «Я знаю владельца» образуют законченное высказывание. Мы интуитивно ждем, что после слов «я знаю» что-то последует. Благодаря грамматике мы можем также понять, когда в разговоре приходит наша очередь что-то сказать.

Манипуляции с разговорами

В 2006 г. один из нас (Ник Энфилд) возобновил совместные исследования с психологами Холджером Миттерером (Holger Mitterer) и Яном де Руйтером (Jan de Ruiter) в Неймегене. Мы записывали телефонные разговоры и обрабатывали их. Нужно было сделать заключение, с помощью каких сигналов собеседник понимает, что настала его очередь говорить.

Некоторым респондентам мы давали прослушать настоящие телефонные разговоры между друзьями. Другая группа слушала обработанные записи, но с одним отличием: голоса были искажены так, чтобы они звучали монотонно — без акцентов, высоких и низких нот, как у роботов. Третьей группе достались записи, в которых была интонация, но фильтр так же сильно искажал слова. Поэтому респонденты не могли понять содержание разговора.

Результат: участники эксперимента могли легко предсказать, когда металлический голос робота заканчивает предложение. Гораздо труднее было

респондентам отделить речь одного собеседника от другого, когда присутствует только интонация, а сами слова не распознаются. Судя по всему, грамматика играет важную роль в направлении разговора.

Мы не только точно знаем, когда в разговоре приходит наш черед говорить, но и обычно привязываем свои слова к тому, что только что было сказано. В 2006 г. мы изучали, через какой промежуток времени начинает говорить человек после того, как договорил его собеседник. В большинстве из 1,5 тыс. диалогов, изученных нами, моменты молчания или перебивания появлялись в редких случаях: в среднем проходит всего 200 миллисекунд между речевыми блоками — это меньше, чем нам требуется, чтобы моргнуть. Следовательно, мы ведем разговор так быстро, что должны успеть подумать о том, что скажем дальше, пока наш собеседник еще говорит. Только в этом случае мы можем сказать нашу следующую фразу без неестественно длинной паузы.

Эти результаты основаны на исследованиях голландского и английского языков, которые тесно связаны между собой. Однако идиомы во всем мире частично отличаются друг от друга звучанием, выбором слов и построением предложений. Мы хотели знать, на всех ли языках мира люди говорят так же оживленно или представителям некоторых культур необходимо больше времени для вербальной коммуникации.

Где «Э», а где «А»

Немцы говорят *hā?*, испанцы *eh?*, а исландцы *ha?*, когда они что-то не поняли. В зависимости от идиом исследователи нашли вопросительные слова в 31 языке.

В порядке очереди

В 2009 г. совместно с Таней Стиверс (Tanya Stivers) мы впервые начали системное изучение этого вопроса. С командой из десяти человек мы провели полевые исследования в различных местах, расположенных на пяти континентах. Мы ознакомились с местными диалектами и обычаями, записали повседневные разговоры на видео. Тогда мы выделили 350 последовательностей «вопрос — ответ» и измерили, сколько времени прошло между соответствующими речевыми блоками. Результат: все люди, по-видимому, пытались как можно реже перебивать друг друга и в то же время избегать долгих пауз. Между высказываниями собеседники молчали в среднем около 200 миллисекунд.

Конечно, при разговоре мы ожидаем какой-либо реакции собеседника. Для общения недостаточно только замечать, когда приходит твоя очередь, — коммуникация становится совместным делом, подчиненным определенным правилам. У животных этого нет. Хотя и они время от времени откликаются на зов собратьев, но их реакции ни в отношении тайминга, ни в отношении последовательности не согласованы друг с другом. Кроме того, обычно сообщения,

Универсальная лексика:

короткие словечки типа «А?» стимулируют человеческое общение по всему миру

посылаемые животными, крайне просты, например: «Я здесь» или: «Осторожно, опасность!». Как правило, подразумевается не вербальная реакция.

Однако у человека подобное ожидание так глубоко укоренилось, что любое отклонение нуждается в интерпретации. Представьте, что политик колеблется перед ответом на вопрос о местонахождении денег налогоплательщиков! Или как бы вы себя чувствовали, если кто-то медлит или молчит, прежде чем примет или отклонит ваше приглашение. В такие моменты даже самая короткая пауза воспринимается как уклонение от ответа.

Лингвисты Фелисия Робертс (Felicia Roberts) и Александр Фрэнсис (Alexander Francis) из Университета Пердью тщательно изучали этот вопрос. В одном из экспериментов они работали с записями, в которых просьба собеседника (например, «Можете ли взять меня с собой?») была встречена ответом «Конечно!». Исследователи меняли время между вопросом и ответом и проигрывали эти последовательности группе. В итоге респонденты должны были оценить готовность говорящих идти на контакт. Когда приходилось ждать ответа более чем 500 миллисекунд, респонденты предполагали, что запрос был встречен неохотно, даже если ответ был «Конечно!».

Ответ же наконец!

Респонденты этого исследования были американцами. Исследователи захотели узнать, как интерпретируют подобные паузы в разговоре люди из разных уголков Земли. Они начали изучать восприятие коротких пауз в беседе в итальяно- и японоговорящих странах. И снова было обнаружено, что чем дольше пауза, тем меньше предполагаемая вероятность услышать положительный ответ на заданный вопрос.

Вероятно, на то есть полное основание: позитивные реакции на всех языках выражаются быстрее, чем отрицательные. Отклонение от среднего времени отклика, таким образом, считают показателем энтузиазма собеседника. Кроме того, люди всех культур имеют склонность к быстрой социальной оценке. Причина, вероятно, кроется не столько в особенностях конкретного языка, сколько в целом в человеческой коммуникации.

Беседы ведутся в определенном ритме, отклонения от привычной схемы имеют последствия для социального взаимодействия. Тем не менее не все разговоры проходят идеально. Что произойдет, если человек не расслышит или пропустит слова собеседника? Такое нарушение связи может спровоцировать серьезные недоразумения, если не воспользоваться вторым шансом. Здесь нам на помощь приходит простой инструмент — вопрос «А?»

Каждый из нас использовал его бесчисленное множество раз и, возможно, еще более часто слышал. Он может иметь универсальное значение, как показал анализ 200 разговоров на 31 различных

Вербальная битва

Обычно вопросы и ответы в разговоре быстро следуют друг за другом. Причина в том, что даже совсем короткая пауза пробуждает недоверие или провоцирует неопределенность.

языках. От Ганы до Италии, от Исландии до Японии, как мы выяснили, реже или чаще звучит вопрос «А?». Он везде имеет одну и ту же функцию: прерывает поток разговора, чтобы говорящий повторил или пояснил то, что было сказано.

Этот звук может показаться простым или неспецифическим, но в рамках нашего исследования мы приходим к выводу, что он на самом деле представляет собой отдельное слово. Это высказывание не врожденное: младенец должен сначала выучить это слово, как и любое другое. Это не рефлекс: наши ближайшие родственники, шимпанзе и другие приматы, не выражают ничего подобного, в то время как чихают или икают они так же, как мы. Универсальное вопросительное слово в различных языках имеет индивидуальные нюансы в зависимости от местных языковых особенностей. Тем не менее это всего один слог с вопросительной интонацией. Кроме того, этот краткий звук (в английском, например, что-то вроде *uh*, в испанском — *eh*) произносится очень легко: достаточно открыть рот и произнести простой звук с вопросительной интонацией. «А?» и его вариации сигнализируют собеседнику, что существует проблема. Краткость и признак вопроса непосредственно побуждают к объяснению.

Что делает наш язык неповторимым

Мы, несомненно, нуждаемся не только в словечке «А?», чтобы склеить разговор. Каждая культура имеет собственную форму для объяснений. В немецком это выражается, например, так: «Что?», «Простите?», или «Ты имеешь в виду...». В записанных нами разговорах спикеры просили уточнений в среднем один раз в минуту. Регулярность и универсальность феномена указывают на то, что эти простые вербальные помощники ведут нас к взаимопониманию. Небольшие коммуникационные натяжки в конечном счете и делают наш язык уникальным.

Когда мы вновь анализировали наши данные в 2014 г., мы заметили, помимо всего прочего, культурную разницу: в таких больших, урбанистических обществах, как, например, Италия, Германия, Великобритания или Япония, часто используются вежливые междометия взаимопонимания. В небольших сообществах, например в племени аборигенов Северной Австралии, говорящих на языке муррин-пата, или у жителей острова Россель на юго-востоке Папуа — Новой Гвинеи, мы подобных любезностей не замечали.

Это может объясняться тем, что люди находятся в маленьких группах: на обоих языках говорят приблизительно от 2 тыс. до 3 тыс. человек, потребность в формальной вежливости невелика, потому что все так или иначе связаны с другом — хорошо знакомы или состоят в родстве. Все указывает на то, что в городской культуре, помимо прочего, вежливые формы используются, когда собеседники социально неравноправны, например в общении между начальниками и подчиненными или между внуками с бабушками и дедушками. Может быть, вежливые слова, подобные «Простите?», сигнализируют о социальной асимметрии собеседников. Тем не менее для подобных выводов необходимы дальнейшие исследования.

Интересное открытие относительно тайминга произвел в начале 2015 г. наш коллега Кобин Кендрик (Kobin Kendrick). От заметил, что перед тем, как кто-то попросит пояснения каким угодно образом, будь то «А?» или «Что, простите?», проходит в среднем около 700 миллисекунд. Очевидно, мы сокращаем скорость нашей речи в моменты недопонимания автоматически, чтобы дать собеседнику исправиться или выразиться более понятно.

Что все это говорит нам о структуре языка? Прежде всего то, что разговоры по всему миру ведутся по установленным правилам. Люди говорят по очереди, чувствуют заранее, что сейчас придет их черед, и просят, если нужно, о пояснении. Такой вид взаимодействия, кажется, не знает культурных границ, и подобного не существует в животном мире. Такие механизмы, как упорядоченный обмен репликами, четкий тайминг и «ремонт»

разговора через междометия, подобные «А?», становятся краеугольными камнями нашего искусства речи. Существуют фундаментальные силы, способные склеить наши беседы и придать им смысл.

Универсальные элементы языка отражают то, что психологи обозначают как социальный интеллект: способность предвидеть, что наш собеседник подразумевает, думает или чувствует. Чем больше мы этому учимся, тем больше в конечном счете узнаем, что это такое — быть человеком. ■

Перевод: Е.С. Новоселова

Психоллингвистика: от «что» до «как»

Многие ученые изучают коммуникацию в контексте человеческого мышления. Лингвист Ноам Хомский, почетный профессор Массачусетского технологического института, исследовал то, как мы переводим мысли в слова и предложения, делая упор на внутреннюю структуру языка. Этот подход, восходящий к 1950-м гг., обращается к гипотезе, что разговоры и длинные речевые последовательности хаотичны.

Современные лингвисты, такие как наши авторы Марк Дингеманзе и Ник Энфилд, подходят с другой стороны: как мы используем слова и предложения, чтобы поделиться информацией и создать социальные сети. Тем самым они показывают социальные корни и функции языка. Они хотят выяснить, как структура разговора позволяет нам делиться мыслями, желаниями и намерениями. Подобный подход к языковым феноменам способствует глубокому пониманию не только того, что мы говорим, но и причин, почему мы это говорим.